

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

утверждает, что «мы» — больше, чем «я», и это ведёт к лагерям, массовым убийствам и «философским пароходам».

Искусствовед Анна Суворова напомнила собравшимся, что революция 1917 года была левой — и в политике, и в искусстве, и благодаря ей смог реализоваться Большой Авангардный Проект в культуре. Один из главных романтиков революции Александр Богданов ещё в 1911 году рассуждал в своей книге «Культурные задачи нашего времени» о том, что если рабочий человек сможет создавать произведения искусства, то для человечества это будет благо. Подобные идеи Анна Суворова ценит как глубоко гуманистические. Однако подобные идеи и авангардный проект в целом были утопическими, в проекте было мало прагматики, и это его погубило.

Обоим предыдущим спикерам основательно, последовательно, доказательно и по-ораторски красиво возразил профессор-филолог Владимир Абашев. У него, в отличие от Владимира Гурфинкеля, отношение к Октябрьскому перевороту вполне однозначное: судя по всему, Абашев вовсе не считает его прогрессивным событием. По его словам, связывать расцвет русского авангарда с революцией — большая ошибка. Всё ровно наоборот: основные события русского авангарда связаны с первым десятилетием XX века, а после революции что-то ещё создавалось по инерции, но очень быстро было задушено.

Так, главные сборники футуристов «Садок судей» и «По щёчина общественному вкусу» были опубликованы в 1905 и в 1912 годах соответственно, «Бесна священная» Стравинского написана в 1913 году; «Петербург» Андрея Белого, опубликованный в 1913–1914 годах, Абашев считает «брюском в XX век до Джойса», где были уже все главные черты литературы XX столетия — поток сознания, глобальная цитатность, опора на миф; в 1907 году появился «Балаганчик» Мейерхольда... По словам Абашева, это и есть настоящая революция в искусстве, а 1920-е годы — это «догорание».

В работе Ленина «Партийная организация и партийная литература» безапелляционно сформулировано, что, уничтожая буржуазию, революция должна уничтожить и буржуазное искусство. Это было сделано. Вера в революционное искусство будущего, которой тешили себя Блок и футуристы, была самообманом. Правда, обмануть себя позволили не все: Бунин, Мережковский, Гиппиус поняли, что наступает время хаоса и разрушения, поспешили эмигрировать, и вовремя: уже в 1922 году был основан Главлит — инструмент тотального контроля над всеми информационными потоками, и царская цензура показалась литераторам детским лепетом. Да, собственно, стало понятно, что не было как таковой этой «царской цензуры»: всё, что было написано до революции, было опубликовано, а сколько книг легло «на полку» или попросту было потеряно при советской власти?

Судьба самих творцов ещё более печальна, чем судьба их наследия. В августе 1921 года умер Александр Блок. Умер загадочно, непонятно от чего, но как будто задохнулся. Через две недели был расстрелян Николай Гумилёв, расстрелян ни за что. Через год лучших представителей интеллигенции, сознательно, из симпатии к революции, оставшихся в России, выслали на «философском пароходе».

В 1930-е годы произошло окончательное огосударствление литературы и искусства, осуществившееся путём создания творческих союзов. Последние неформальные группировки, такие как обэриуты, например, были уже полу-подпольем.

«Октябрьская революция была культурной контрреволюцией», — чётко сформулировал своё мнение Владимир Абашев. Последствия этой контрреволюции — то, что в наши дни Россия в культурном отношении ничего не даёт миру, тогда как на рубеже XIX и XX веков она была законодателем мод в этой области, создавала настоящие гуманистические, цивилизационные перевороты мирового масштаба, каким был тот же русский авангард.

Среди спикеров «круглого дивана» был настоящий политтехнолог — близкий к властным структурам Алексей Чусовитин, высказывания которого были удивительно созвучны мыслям других участников дискуссии — деятелей искусства. По его словам, для власти культура, искусство — всегда раздражители, всегда непредсказуемые, а потому опасные внесистемные элементы: они говорят о личности, а это по определению вызов системе.

XX век же был особенно неблагоприятным в этом смысле: структура российского общества была перемолота революцией и последовавшими за ней коллективизацией, индустриализацией... Обществу перебили хребет, разрушили систему ценностей и не создали новую. Эта травма усугубилась во время войны.

Как и положено политтехнологу, Чусовитин быстро перешёл от истории к современности и сказал, что в наши дни формируется новый «философский пароход»: власть отторгает и вынуждает покидать Россию наиболее радикальных деятелей культуры. Именно Чусовитин впервые упомянул на дискуссии «дело Серебренникова».

По его мнению, современность — это эпоха постоянных революций, ибо действительность меняется стремительно, происходят ежеминутные социальные и политические взрывы. Власть же осознаёт потребность общества в стабильности и отвечает на этот запрос.

Его мысль подхватил писатель Владимир Киршин, который напомнил, что всё это делается с попустительства обычных людей. Молчаливое соглашательство устраивает всех.

«Круглый диван» завершился блиц-опросом. Степан Хлопов попросил спикеров кратко сформулировать выводы из разговора. «Руки прочь от культуры», — бескомпромиссно заявил Владимир Абашев. Алексей Чусовитин призвал россиян учиться терпению и прекратить мечтать попусту: по щучьему велению в жизни ничего не бывает. Анна Суворова напомнила, что история много раз подтверждала: маятник всегда качнётся слева направо, это закон, это неизбежность, за революцией неизбежно последует реакция. Стало быть, лучше не раскачивать маятник.

Владимир Гурфинкель, как и в начале дискуссии, признался, что у него нет однозначного ответа: «Без взрывов не рождаются новые звёзды. Без революций нет прогресса. Поэтому обойтись без революций невозможно, но хотелось бы, чтобы они не проходились по судьям так, как революция, которой в эти дни исполняется 100 лет. Слишком много непройтих жизней, ненаписанных стихов. Это кошмар».

EX LIBRIS

«В городе вроде Перми»

Изданы первые воспоминания о пермской «культурной революции»

Юлия Баталина

В рамках «Пермских дней памяти» — двухнедельной социально-культурной акции, приуроченной ко Всероссийскому дню памяти жертв политических репрессий, в Центре городской культуры прошла презентация книги Сергея Терешенкова «Пермская обитель», вышедшей в издательстве «Маматов».

Трудно говорить о литературных достоинствах этого небольшого документального романа. Откровенно говоря, текст требует основательной редактуры. Тем не менее речь идёт о знаковом событии, которым невозможно пренебречь: Сергей Терешенков стал автором первых подробных мемуаров, посвящённых пермской «культурной революции» и последовавшей за ней «культурной реакции». Будучи петербуржцем, занятым в пермских проектах, автор книги обладает уникальной и очень ценной точкой зрения — он одновременно внутри событий и как бы в стороне от них. Этот взгляд, очень близкий и в то же время внешний, позволяет автору быть смелым и беспристрастным. Пожалуй, некоторые вещи, происходившие во время «культурной революции» и после неё, именно он впервые назвал своими именами: так, «пост-революционный»

краевой министр культуры Игорь Гладнев назван «отменным лицедеем и отпетым лицемером», а события вокруг музея «Пермь-36» — «рейдерским захватом», без обиняков.

Конечно, Сергей Терешенков не лишен субъективности в оценках и акцентах. Более того, это очень личная книга. Автор по натуре деятельный романтик, и для него его пермский период — прежде всего история любви: и к встреченной в Перми молодой жене, и к самой Перми. Интересно, что Терешенков, полиглот и космополит, который писал свою книгу то в Риге, то в Берлине, именно Пермь считает любимым городом. Пермякам будет любопытно узнать, что некоторые привычные для нас вещи пришелец из внешнего мира считает выдающимися — например, изобилие киосков с кофе навынос или веганских кафе. Оказывается, Пермь в этом отношении чуть ли не впереди планеты всей.

Для читателей из других городов эта книга может стать пособием по Перми и Пермскому краю, в первую очередь по Кудымкару, где Сергей Терешенков трудился в проекте «Культурная перезагрузка» в рамках программы «Пермский край — территория культуры». Не удивлюсь, если после её прочтения какой-нибудь приезжий отправится в Перми на поиски Стика и предпримет вояж в Кудымкар с целью ознакомления с творением Александра Жунёва — гигантским лицом Кудым-Оша на торцах пятиэтажек.

Конечно, ревностный патриот Перми найдёт в этой книге множество ошибок. А особо ревностные патриоты могут сказать, что в ней вообще всё неправда. Но это неизбежно.